монова стал, по-видимому, тот самый «поп Иев», который в конце 40-х годов купил вызвавший особое разбирательство монастырек.

В предпоследней грамоте, рассматривавшейся для решения дела о Спасе на Медвежьем озере в купчей и докладной Ионы, «Митрополита киевского и всея Руси», составленной 14 мая 1458 г., Митрофан-иконник оказывается в Старом Симонове. Он выступает наравне с игуменом этого монастыря в качестве владельца угодьями на Медвежьем озере: «Се яз игумен Иев Пречистые Богородицы Симоновского старого монастыря да старец Митрофан-иконник купили есмя в дом великого Спаса честного его Преображения и Пречистые богородицы к Медвежью озеру у Якима у строителя у новомонастырского, да у келаря у Ионы, да у старца у Васьяна, да у старца у Серапиона, и у всей братьи у старцов, пустош домовную новомонастырскую Одинцово, Харино, да Ступино, Малахово да Колтково ... а дали есмя на ней четыре рубли, да пополнка овцу». Совершение купчей между старой и новой частями Симонова монастыря происходило в митрополичьей канцелярии со свидетелями: «А на то послуси игумен Коснянтин Николы Старого, да дьяки митрополичьи старец Тихон да Василий Карло. А грамоту писал Лучка, митрополичь подъячей казенной».

Несмотря на протесты пехорских крестьян, монастырь Спаса на Медвежьем озере, кроме нескольких деревень, остался со всеми угодьями во владении симоновской братии: «И князь великий Иван Васильевич, выслушав грамот купчих, и докладные, и даные, и списка меновного прадеда своего князя Дмитрия Ивановича, и въспрося владыки Коломенского Геронтия о всем, и Данила Страмилова и Осифа черньца оправил, а сотского Юрья Костянтинова Лычова, и десятского Сысойка, и десятского бортного Михалка да Исачка Башлова и всю волость крестьян Пехорского стану обвинил; и присудил святый Спас на Медвежье озере, и озеро Верхнее и Нижнее, и деревни и пустоши к Симоновскому монастырю по старине, опроче бортничьих деревень, что отнял у них отец мой князь великий Василий Васильевич у монастыря у Симонова». Слушание дела было обставлено торжественно: «А туто были у великого князя бояре его: князь Иван Юрьевич, Иван Иванович, Володимер Григорьевич, Иван Федорович Старков, Василей Федоровичь Сабуров. А подписал великого князя дьяк Левоньтей Короваев». Копийная книга Симонова монастыря сообщает в заключение: «А у подлинные жаловалные грамоты великого князя печать вислая серебреная вызолочена».

В июле 1460 г. Митрофан находится уже в Новом Симонове. В это время он присутствовал по-прежнему на третьем месте при составлении духовной грамоты старца Симонова монастыря Андриана Ярлыка: «А у сее грамоты духовные сидел отец мой духовный архимандрит Афанасей Симановский, да с ним старци: старец Мисайло Сабуров, Ондрей, Митрофан, Илья, Герман, Амбросей казначей, Микита, Иона келарь. А грамоту духовную писал чернец Евстрат крилошанин...». На обороте этой грамоты вверху надпись о том, что она представлена митрополиту Ионе 8 июля 1460 г.[21] В этой, имеющей более общее значение «духовной», ни у ювелира Андрея, ни у художника Митрофана не указаны их профессии — здесь они фигурируют только как «преподобные отцы».

В 1460 г., через семь лет после покупки пустынки у Медвежья озера, Митрофан-иконник, по-видимому, поднялся по лестнице монастырской иерархии: он поименован в числе своего рода иноческой «коллегии» уже

[21] Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изданные Археографической комиссией под ред. Н. Калачова, т. 1. СПб., 1857, № 85, стр. 552—555.